

«Общественная позиция»
(проект «ДАТ» № 05 (42) от 3 февраля 2010 г.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ВОССТАНИЕ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ ТЕМИРТАУ

Нынешнее поколение судит о подвиге казахстанской целины по идиллическим книгам и кинокартинам типа «Ивана Бровкина» и «Девчат». Романтика, молодые комсомольцы с пламенными горящими взорами, полные энтузиазма и юношеского задора. Разрешите в бочку сладостного меда романтизма кинуть ложку дегтя реальности. Не было тогда романтики, а был тяжелый труд и суровые условия.

В середине 50-х годов началось бурное строительство «Казахстанской Магнитки» и Карагандинского металлургического комбината. Со всех сторон необъятного Союза сюда стекались люди. Конечно, были и романтики-комсомольцы, зомбированные патриотическими фильмами, стихами и песнями, но многие ехали сюда за «длинным рублем». Кто-то рвался из колхозной кабалы, кто-то, потеряв все в лагерях ГУЛАГа, хотел начать новую жизнь. Очень много было заключенных-бытовиков, в Караганду их гнали целыми эшелонами. «Три стилиаги с Красной Пресни на Магнитку едут с песней. Ой, люли, ой, люли, им мерещатся рубли», – пели тогда в Темиртау. Именно «мерещатся», более удачного слова не придумаешь. Слишком много народа приезжало и притом многие без специальности. Квалифицированной работы не хватало, и большинство молодежи гнали на черный и низкооплачиваемый труд.

Руководство строительства «Кармета» оказалось не готово разместить тысячи прибывших со всего Союза молодых людей. Селили людей в бараках, вагончиках, гаражах, иногда прямо на стройплощадке. Две тысячи приезжих, к примеру, поселили в рваных палатках. Постоянные перебои с питьевой водой, грязь способствовали нарастанию недовольства. Постельное белье рабочим не меняли месяцами, люди ходили в мокрой одежде, так как после стирки ее негде было высушить. Часто доставлялись испорченные продукты. Но особенно плохо было с питьевой водой. Естественно, что никакого водопровода к палаточному городку подведено не было. Сделали проще: на вершине сопки установили большую цистерну, куда водовозками подвозили воду. В летний зной вода быстро протухала, приобретая нездоровый металлический вкус, да и такой воды на всех не хватало.

Про палаточный городок, явившийся детонатором бунта, следует сказать отдельно. Располагался он на сопке, которую официально именовали «Горкой дружбы», а в народе она получила название «Сопка любви». В большинстве обитатели палаточного городка были вербованные, бытовики и несколько сот одесситов. Публика еще та! На палатках надписи: «Одесса – мама!», «Анархия – мать порядка», «Палатка алкоголиков» и тому

подобное. Чтобы выполнить план по отправке живой силы на стройки коммунизма и заодно очистить родимый город, одесская милиция провела шмон притонов и «малин». Приблатненной шпане вручили комсомольские путевки и отправили в далекий Казахстан. Мало кто из них взял в руки мастерок или лопату. Правили балом в городке паханы, воровские авторитеты. Пьяные оргии, драки с поножовщиной на сопке стали обычным явлением. Власти на эти шалости одесской шпаны смотрели сквозь пальцы. В общем, население Темиртау представляло горючий материал, готовый вот-вот взорваться.

Это о населении. Но тогдашнее руководство и милиция тоже не были белыми и пушистыми. Вместо заботы о романтической молодежи чиновники развернули массовое воровство. Документы того периода свидетельствуют, что местное руководство строительства комбината отказывалось даже выслушать претензии рабочих, пришедших 29 июля рассказать о ситуации. Отказ передавали через дежурных милиционеров. А каким тоном и какими словами разговаривала милиция с рабочими, несложно догадаться. Тем временем сами местные князьки с большой выгодой пользовались возникшей неразберихой. Как следует из архивных документов, только в 1958 году к уголовной ответственности за хищения были привлечены пять чиновников. А за несколько месяцев следующего года было вскрыто почти в три раза больше хищений, чем за весь прошлый год. К середине лета, казалось бы, уже отлаженный рабочий ритм стройки начал давать сбой. Возникли проблемы со стройматериалами: не хватало арматуры, встал бетонный завод, не было огнеупорного кирпича. Вынужденные простои обернулись резким падением заработков. Наряды стали закрывать по рублю в день. По городу ходили невероятные слухи о том, что при дефиците питания на складах сгноили огромное количество овощей и фруктов. Также утверждали, что болгарские строители, которых в Темиртау было около полутора тысяч человек, получают гораздо больше денег, чем наши. Это была ложь: болгары хоть и жили в более комфортабельных условиях, получали ту же зарплату и питались в тех же столовых. Единственное, что нашим не нравилось у болгар, так это то, что они приторговывали шмотками, занимались платной подстрижкой.

29 июля 1959 года слабо тлеющий огонек недовольства вспыхнул огромным всепожирающим пламенем. Повод к бунту весьма банален. Вечером около сотни строителей, возвращаясь с танцев, обнаружили, что питьевую воду вновь не привезли. Возмущенные молодые люди сорвали замки с находившейся возле столовой автоцистерны с квасом.

– Опустошив цистерну, мы направились к столовой, – рассказывает бывший строитель комбината Алексей Шаровский. – Толпа избивала сторожа, вырвала оконные решетки и принялась растаскивать продуктовые запасы. Столовая была разграблена в считанные минуты. Кто-то предложил сжечь столовую и заодно разграбить галантерейный киоск, что было немедленно выполнено. Многие, напившись кваса и наевшись продуктов из столовой, прекратили беспорядки, решив, что восстановили «социальную справедливость». Но прибывшие милиционеры задержали двоих рабочих

(как выяснилось впоследствии, не принимавших участие в беспорядках). Вновь прозвучал призыв: «Вперед на выручку товарищей!». И огромная толпа отправилась громить горотдел УВД. По дороге рабочие перевернули милицейскую автомашину, затем принялись забрасывать здание горотдела камнями и палками, а ворвавшись в помещение, устроили погром. Как часто бывает при стихийных волнениях народа, вперед вылезла всякая накипь: хулиганы, бывшие зеки, унюхавшие возможность поживиться. Начались погромы и разбои. Кое-как местным властям удалось утихомирить целинников, пообещав улучшить условия труда.

На следующий день, когда в городок привезли цистерну с питьевой водой какого-то непонятного розового цвета, страсти накалились вновь. Кто-то из строителей выкрикнул: «Посмотрите, чем они нас поят!». Цистерну перевернули, и возмущенная толпа вновь двинулась по улицам Темиртау. Солдат, охранявших здание милиции, забросали камнями, сам горотдел вновь подвергся разгрому. А потом началось самое ужасное: восставшие устроили погромы в городе. Были разрушены темиртауский рынок, столовая, овощные ларьки. По всему городу рабочие с камнями, палками и металлическими прутьями нападали на милиционеров, дружинников и военнослужащих. Затем в руках у бунтовщиков появились ружья, загремели выстрелы (тогда на руках было много боевого оружия). Настоящий бой между строителями с одной стороны и милицией и военными с другой разгорелся у городского универмага. В солдат и милиционеров летели банки с консервами, бутылки с вином, камни... Возникла перестрелка, появились убитые и раненые.

Начало на стр. 19

Сергей Борисов, очевидец событий, рассказывал: «Где-то за полночь за окнами слышится какой-то шум. Он приближается, нарастает. В шагах этих – спрессованная решимость, злоба, дикая разрушительная энергия. Ни одного возгласа, ни крика. Только монотонный звук шагов. Осторожно отодвинув край занавески, выглядываем в окно. Внизу сераядвигающаяся масса, она заполнила улицу, тротуары, течет, огибая коробку общежития. Сколько их – пятьсот, тысяча, две?.. Вот он, конец света!.. Главная «арена» – здание универмага. Висят на телеграфных столбах раздетые манекены. Издалека они кажутся человеческими телами, и это сходство усиливает дикость происходящего. На земле – неопикуемая помесь галантереи и гастрономии. С разбитых окон третьего этажа свисают развернутые рулоны сукна и модного тогда китайского габардина. Время от времени в проемах окон появляется человеческая фигура и высыпает на головы толпящихся людей то ворох болгарских сигарет, то зубную пасту. Толпа алчно набрасывается на дармовое. Давка, ругань... Отоварившись сигаретами и мылом, обыватель требует расширить ассортимент. Заказы сыплются со всех сторон. – Шубы давай! – верещит какая-то баба явно не комсомольского возраста. Заявка тут же выполняется. Охалка добротных цигейковых шуб планирует на поднятые вверх руки. Налетай, наступил коммунизм! Кому-то достались две шубы, кому-то – ни одной. С

остервенением делят добычу. Вдруг кто-то хватается за грудки удачливого обывателя, готового уже раствориться в толпе с награбленным, и истошно кричит: «Сука, да ты же не комсомолец, ты мясом торгуешь на рынке! Бей его!». Толпа валит мародера на землю. Бьют ногами, выломанным из ограды штакетником, бьют в исступлении, безжалостно. Полное безвластие. Нет ни дружинников, ни милиции».

Жительница Темиртау Анна Варенникова поведала: «Это были страшные дни. По улицам метались окровавленные люди с оружием, кричавшие: «Убивать! Убивать гадов!» Казалось, что бой идет не между гражданами, а между непримиримыми врагами». Комсомольцы размахивали красными знаменами и кричали: «Устроим вторую Венгрию». Послали гонцов в Тайвань (комсомольский городок, в котором проживала основная масса строителей Магнитки): «Почему не приходите? Мы здесь кровь проливаем... Собирайтесь – и мы уложим побольше этих сволочей. Не придете, пеняйте на себя». Тайвань не выступил, собравшись на экстренное заседание, постановили: с восставшими в переговоры не вступать, лишний раз не провоцировать. Если попрут, стоять насмерть! В словах выступавших – ни слова о защите родины, партии, комсомола. Основной лейтмотив: «Не хватало еще, чтобы какие-то одесские «жорики» учили нас, как жить».

Темиртауская милиция не справлялась с ситуацией. Ей на подмогу был направлен отряд милиции из 100 человек из Караганды. Но взять ситуацию под контроль милиции так и не удалось. Так что к 31 июля в город прибыли 500 солдат и офицеров конвойной охраны Карлага, поднятых по тревоге. Руководство Караганды направило на подавление бунта дружинников – квалифицированных рабочих комбината среднего и пожилого возраста. Вернусь к воспоминаниям Сергея Борисова: «Почти во всю ширину проспекта Строителей по 8 – 10 человек в ряд двигалась огромная колонна рабочих. Хвост ее был не виден. Все были в черных, только что выданных со складов рабочих спецовках, с красными повязками на руках. Бросалось в глаза, что в колонне в основном люди старшего возраста. Наверное, активисты, передовики производства. После соответствующего инструктажа в Доме культуры они шли усмирять молодое поколение. Колонна шла молча, угрюмо, без лозунгов и транспарантов – казалось, в Темиртау начались съемки революционного фильма. Не хватало только «Варшавянки». Казалось, железная поступь пролетариата все сметет на пути, скрутит в бараний рог бунтовщиков. Однако колонне этой не хватало главного – воли, решимости, как раз того, чего у бунтовщиков было в избытке. Одновременно с колонной на машинах прибыло пополнение – металлурги из старого города. Вот колонна прошла мимо здания треста, приблизилась к универмагу. И вдруг, как это уже было не раз за эти три дня, сверху, со стороны палаточного городка послышался топот сотен бегущих людей. Лавина атакующих, вооруженная пиками, арматурой, врезалась в колонну рабочей гвардии. Это был последний, девятый вал. Гвардия дрогнула. Рабочие, срывая с рукавов красные повязки, в панике кинулись врассыпную. Атакующие опять пошли на штурм универмага. У магазина

закружилась кровавая круговерть. В этой суматохе мало кто заметил, как по внешнему периметру мятежных кварталов одна за другой двигаются военные машины с солдатами и курсантами. Вот они по команде спешиваются. От головной машины отделяется группа солдат численностью до полувзвода во главе с офицером, по-моему, капитаном. В руке у него пистолет. Рядом с ним сержант с овчаркой на поводке. – Разойдись! – надрывно командует офицер. Толпа чуть покачнулась. И тогда – залп вверх, с положения стоя. Несколько шагов – и опять команда: «Огонь!». В панике, топчась друг друга, люди кинулись кто куда». Всю ночь войска усмиряли зачинщиков бунта. Нетрудно себе представить, что на этот раз солдаты, милиционеры и курсанты не разбирались, кто прав, кто виноват.

В Караганду из Москвы срочно прилетел Брежнев, отдавший приказ открыть огонь. Из Алма-Аты прибыл Беляев – тогдашний первый секретарь КП Казахстана в сопровождении Кунаева, Исаева и Аника.

По официальным данным погибло 11 человек, были ранены более 30 строителей. Более сотни военнослужащих получили ранения, причем почти 40 человек – из огнестрельного оружия. После прекращения беспорядков было задержано почти 200 бунтовщиков, из них 70 были комсомольцами. Но советскому официозу верить нельзя, более достоверной кажется информация радиостанции «Свобода»: в Темиртау погибло 300 человек.

В сентябре 1959-го Н.С.Хрущев посетил Америку. Дотошные западные журналисты, прослышав про Темиртау, начали задавать каверзные вопросы. Случаются ли в СССР стачки и забастовки, и как реагирует на них партия и правительство. Никита Сергеевич, не моргнув глазом, ответил, что в Стране Советов подобного не может быть. Если и случаются некоторые недоразумения, то опытные пропагандисты-партийцы идут в народ, успокаивают его и устраняют конфликт мирным путем. Лгал «великий кукурузник». Великолепно он знал, как трусливо повела себя правящая элита. Так, на одной из встреч с бунтующими секретарь горкома партии выдавал себя за инженера завода. А секретарь ЦК Компартии Казахстана Козлов так перетрусил, что к рабочим вообще не вышел, а отсиживался чуть ли не на чердаке жилого дома.

Только неумением и нежеланием партийных функционеров общаться с простым народом можно объяснить трагедию казахстанской Магнитки.

Берик НУРХАЛОВ